

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.2+81.371

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577

Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства

Василий Витальевич БУЙЛОВ

Университет Восточной Финляндии

80101, Финляндская Республика, г. Йокеску, ул. Улиопистокату, 2

✉ vassili.bouilov@uef.fi

Аннотация. Писательский метод Андрея Платонова в его идейно-теоретической основе рассматривается нами как онтологическая взаимосвязь его личности и творческой проблематики с духовными ценностями, жизненными установками и философскими взглядами, которые он исповедует. Этот писательский метод реализуется в прозе Платонова через художественное взаимодействие авторских философских концептов и формирующих его авторский идиостиль языковых средств. Главной и более широкой целью проведённого нами ранее исследования являлось систематизированное и классифицирующее описание ключевых языковых моделей и приёмов, наиболее типичных для писательского метода Платонова. Научные результаты проведённого нами комплексного анализа идиостиля Платонова свидетельствуют в пользу нашего утверждения о том, что наибольшая часть элементов и признаков платоновского «деформированного» и «кодированного» языка художественно смоделированы и являются примером успешной авторской стилизации. Благодаря особенностям авторского языка и стиля платоновский художественный текст отличается насыщенной смысловой амбивалентностью и имплицативностью. Объём нашей статьи не позволяет нам представить более подробное изложение основных положений творческого метода Андрея Платонова и всеохватывающий анализ важнейших лингвостилистических средств, его составляющих. В этой статье мы ставим своей конкретной задачей в рамках краткого аналитического обзора отдельных характеристик платоновского писательского метода и выборочного лингвостилистического анализа ключевых и наиболее действенных средств и приёмов языковой выразительности, формирующих этот уникальный авторский метод, наглядно продемонстрировать некоторые его основополагающие принципы и подходы.

Ключевые слова: писательский метод Андрея Платонова, платоновский «нарушенный язык», частичный отказ следовать нормам русского языка, идиостиль Андрея Платонова, лингвостилистический анализ, валентность и лексическая сочетаемость, семантические и синтаксические деформации, авторская стилизация, амбивалентность, имплицативность

Для цитирования: Буйлов В.В. Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 565-577. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Andrei Platonov's writing method: selected key characteristics and linguostylistic means

Vassili V. BOUILOV

University of Eastern Finland

2 Yliopistokatu, Joensuu 80100, Republic of Finland

✉ vassili.bouilov@uef.fi

Abstract. Andrei Platonov's writing method in its ideological and theoretical basis is considered by us as the ontological relationship of his personality and creative perspective with spiritual values, attitudes and philosophical views which he professes. This writing method is realized in Platonov's prose through the artistic interaction of author's philosophical concepts and linguistic means which form his idiosyncrasy. The main and broader goal of our research is a systematized and classifying description of the key language models and techniques most typical of Platonov's writing method. The scientific results of our comprehensive analysis of Platonov's idiosyncrasy testify to our assertion that most of the elements and features of Platonov's "deformed" and "coded" language are artistically modeled and are an example of the author's successful stylization. Due to the peculiarities of the author's language and style, Platonov's literary text is distinguished by rich semantic ambivalence and implicativity. The volume of our work does not allow us to present a more detailed presentation of the provisions of Andrei Platonov's creative method and an all-encompassing analysis of the most important linguostylistic means which make up it. In this we, we set our specific task within the framework of a brief analytical review of the individual characteristics of Platonov's writing method and a selective linguostylistic analysis of the key and most effective means and techniques of linguistic expressiveness which form this unique author's method, to clearly demonstrate some of its fundamental principles and approaches.

Keywords: Andrei Platonov's writing method, Platonov's "broken language", partial refusal to follow the norms of Russian language, Andrei Platonov's idiosyncrasy, linguostylistic analysis, valency and lexical compatibility, semantic and syntactic deformations, author's stylization, ambivalence, implicativity

For citation: Bouilov V.V. Pisatel'skiy metod Andrey Platonova: ot del'nyye klyuchevyye kharakteristiki i lingvostilisticheskiye sredstva [Andrei Platonov's writing method: selected key characteristics and linguostylistic means]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 565-577. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В основе писательского метода Андрея Платонова лежит целенаправленное и творчески систематизированное насыщение его прозаических текстов стилистически яркими окказиональными фигурами речи и формами художественной образности, собственными авторскими языковыми и стилистическими моделями и приёмами. Платоновский языковой дискурс характеризуется наличием многих косвенных смыслов. Именно это важнейшее свойство, а именно имплицативность его текстов, требует вдумчивого и внимательного читательского прочтения и макси-

мально углублённого исследовательского анализа и интерпретирования.

Часто вытекающий из этого ключевого свойства текстов Платонова имплицитный характер самого контекста предопределяет повсеместную смысловую закрытость, закодированность платоновского текстового, философского дискурса, рождающую множество разноплановых коннотаций и аллюзий не только у читателей, но и у исследователей. Такой авторский «вывод вещи из автоматизма восприятия» В.Б. Шкловский в своей статье «Искусство как приём» называет *приёмом*

мом «остранения» [1]. Суть данного метода, по мнению В.Б. Шкловского, состоит в авторском намеренном «затруднении формы» своего произведения:

«Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём «остранения» вещей и приём затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимчивый процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлён; искусство есть способ пережить делание вещи, а сделанное в искусстве не важно. Жизнь поэтического (художественного) произведения – от видения к узнаванию, от поэзии к прозе, от конкретного к общему <...>» [1, с. 105].

И что особенно актуально в контексте данной статьи, каждый текст Платонова почти повсеместно подчиняется особым неконвенционально установленным автором правилам и моделям «платоновской поэтики», построенной в целом на общем целенаправленном нарушении правил грамматики, и в частности, на окказиональном словообразовании при образовании новых авторских слов, на намеренном нарушении правил словоупотребления и синтаксиса с изменением валентности и сочетаемости слов, приводящим к расширению или сужению их семантики. Часто этот язык называют «нарушенным, деформированным» языком Платонова. В свою очередь, мы в своих научных исследованиях рассматриваем язык Платонова как особый авторский язык и стиль с присутствием в нём всех характерных для него окказиональных компонентов и с одновременным и повсеместным включением в него элементов «смешанного языка» Утопии и Антиутопии. Для определения писательского стиля Платонова мы пользуемся термином «авторский идиостиль Андрея Платонова».

В каждом тексте Платонова, от его названия до последней его строки, при углублённом его прочтении повсеместно и обычно имплицитно всплывают интертекстуальные прямые или косвенные отсылки к разным философским и политическим концептам и положениям, событиям, мнениям и убеждениям, а также, что особо важно, к разным авторам и к своим и чужим текстам. Любой платоновский прозаический текст есть по

сути своей философский текст, являющийся системой взаимодействия и взаимовлияния его микроконтекста и макроконтекста, а с точки зрения семиотики представляет собою также особую платоновскую концептосферу и является частью и действенным моментом ещё более широкого общеплатоновского дискурса, являя собою особый платоновский мир как часть общей онтологии Андрея Платонова. В.С. Елистратов даёт такой комментарий по поводу этой особенности прозы Платонова:

«<...> для понимания, осмысления платоновского слова читателю требуется дополнительное визуальное время, время чтения глазами, когда можно задержаться на написанном, перевести одновременно присутствующее в тексте смысловые отношения в разновременные – и снова синтезировать их в некое образное единство» [2, с. 74].

Что касается процесса углублённого чтения и прочтения любого художественного текста, терминологически определённого М. Гершензоном как метод «медленного чтения» [3], к которому сам Платонов апеллировал в своей статье «Пушкин – наш товарищ» [4], то подобное углублённое чтение и смысловое прочтение конкретного платоновского текста предполагает его последовательное языковое и смысловое «декодирование» читателем, а также требует в процессе такого декодирования активного включения языкового чутья и, в определённом смысле, интеллектуальной и творчески ориентированной подготовленности читателя. Подобное особое аналитическое восприятие текста приводит к возникновению часто неожиданных и даже не всегда логически оправданных интерпретаций, что или изначально заложено в текст, задумано и предопределено Платоновым, или, в свою очередь, обусловлено восприятием самого читателя и иногда срабатывает с его стороны уже где-то на подсознательном уровне.

Новые смыслы, коннотации, образы, символы, рождаемые особыми авторскими окказиональными решениями Платонова, репрезентуют в языке многие платоновские философские концепты в их взаимодействии, которое предопределяется особой формальной природой внутритекстовых элементов

микроконтекста «Котлована». Язык Андрея Платонова относится как раз к тому редчайшему случаю, когда, по словам К.А. Баршта, «новый смысл может быть построен только с помощью осознанного отклонения от принятой языковой нормы» [5, с. 10]. Рассматривая необычные платоновские окказиональные конструкции и говоря об определённой трудности их восприятия, исследователь так объясняет эти особые свойства языка Платонова:

«<...> этот описываемый язык является сам для себя нормой, разумеется, выглядя как ненормальность с любой другой языковой позиции. Изучение этих норм и правил невозможно без нахождения закономерностей в конструкции платоновской картины мира, художественно-онтологический и поэтико-языковой аспекты оказываются двумя сторонами одной и той же медали – платоновского художественного текста. Здесь, как и в любом другом языке, есть своя лексика, своя грамматика, свои способы сцепления слов, свои повторяющиеся устойчивые конструкции <...>» [5, с. 10].

Творческий метод и авторский стиль Андрея Платонова во многом определяются именно тем, что играющие смыслообразовательную роль при создании его художественных текстов авторские окказиональные словосочетания отличаются также и особыми формально-структурными языковыми характеристиками. Это означает, что специфическое платоновское содержание определяется специфической платоновской формой. Таким образом, подобная «формальная» природа прозаических текстов Платонова состоит именно в том, что план содержания формируется планом выражения, когда формально идиостиль и языковая структура текста играют решающую роль в образовании смыслов и в построении содержания и сюжета. По словам Е.М. Толстой-Сегал, «у зрелого А. Платонова язык всё более становится «фактором конструкции» – на уровень слова и словосочетания выводятся основные мировоззренческие понятия и скрытые смысловые слои» [6, с. 109]. Специфические черты, характерные именно для творческого почерка Платонова, позволяют нам отнести главные произведения его прозы к особой «литературе авторского стиля». Платоновские тексты помимо своего формального своеобразия от-

личаются неповторимой самобытностью, текстовой уникальностью, единичностью своего литературного материала, своеобразным сюжетным и композиционным построением.

Одной из главных особенностей языка Платонова является сознательное отражение в его художественных текстах всех характерных черт Новояза, нового языка советской эпохи, который выступает в определённой социальной сфере общественно-речевой практики и формируется под воздействием этой сферы [7]. Платонов повсеместно в своих ранних поэтических и более поздних прозаических текстах, и конкретно, в одной из наиболее знаковых в художественном и идейно-философском плане своих работ – повести «Котлован» [8] – использует наиболее характерные элементы Новояза и клишированной речи идеологии с целью создания острого сатирического эффекта, намеренно смешивая их в речи персонажей с общеупотребительной, сниженной или, напротив, книжной высокой лексикой, и употребляя часто при этом канцеляризмы, военную и даже церковную лексику. При этом он не только комически искусно обыгрывает эти политически окрашенные штампы советского времени, но и иронично и изящно конструирует собственные окказиональные словосочетания по типу традиционных идеологическими клише, по их содержанию и форме часто доводя их до откровенного абсурда.

Результаты наших предыдущих исследований подтверждают, что в основе идейно-эстетического и художественно-повествовательного построения повести «Котлован» лежит её жанровый дуализм, который предопределяется предельно жёстко выстроенной Платоновым художественной коллизией Утопии и Антиутопии как компонентов основной платоновской жанровой дихотомии. В тексте «Котлована» в случаях, когда Платонов не находит возможности выразить свои критические мысли прямо, он вводит клишированную речь идеологии посредством её откровенно гиперболизированного употребления, чем создаёт благодатную почву как для использования иронии и иносказательности, так и для введения в текст эзопова языка. Настоячиво развивая в «Котловане» антиутопическую тему, Платонов борется с агрессивной избыточностью клишированной

речи идеологии через употребление собственных окказиональных конструкций, построенных в форме пародийных клише по подобию реальных советских идеологических штампов, подавая их в тексте через употребление иронии и сарказма, гротеска, мениппеи и карнавализации, и используя также включения в повествование жанровых форм и элементов пастиша и симулякра.

Эти специфические характеристики позволяют нам жанрово рассматривать ключевые произведения Платонова, и в частности, «Котлован», в качестве особых платоновских предтеч появившегося лишь через два десятилетия европейского постмодернизма. Художественное пространство «Котлована» в значительной степени усложнено жанровой постмодернистской природой её текстового материала и художественного контента. К значимым чертам и признакам постмодернизма в «Котловане» можно отнести такие уже упомянутые нами выше и определяющие неповторимое платоновское мироощущение качества его текста, как имплицативность повествования, амбивалентность, фрагментарность, исходный жанровый дуализм (Утопия и Антиутопия) и более широкая общая жанровая многогранность, ирония и самоирония, гротескность, аллегоричность, повсеместное использование средств иносказательности и эзопова языка, карнавализация сюжета и концентрированная мениппейная природа повести.

Как и при обычном рассмотрении любого художественного текста, лингвостилистический анализ функционирования внутри-текстовых элементов повести «Котлован» ставит своей целью выделение основного круга законов поэтики платоновского текста. Такой углублённый анализ способствует наглядному выявлению процесса взаимодействия в тексте платоновских выразительных средств языка с основными положениями писательского дискурса и его картины мира, через язык находящих своё отражение в авторских философских концептах.

Взаимоизменение семантики и сочетаемости (валентности) слов. Этот авторский приём построен на неконвенциональной трансформации первичных, соответствующих языковой норме словосочетаний и со-

стоит в общем изменении их семантики и расширении сочетаемости и валентности входящих в них слов, приводящему к такому изменению [9]. Подобное окказиональное расширение сочетаемости слов позволяет Платонову вовлекать эти слова в необычные для них лексическо-семантические и синтаксические связи с другими словами. Результатом является изменение общего, активного или пассивного, типа валентности слов и изменение обязательного или факультативного характера их валентности, её облигаторности. При анализе вводимых писателем подобных языковых изменений необходимо различать понятия сочетаемости и валентности, учитывая прежде всего то, что валентность – это именно потенция, а сочетаемость является уже её реализацией. А.М. Мухин рассматривает соотношение этих двух терминов на примере сочетаемости и валентности глаголов:

«<...> Сочетаемость и валентность глаголов взаимно дополняют друг друга, хотя первая определяется по отношению к лексемам, то есть единицам того же уровня языка, имеющим лексическую семантику, вторая же – по отношению к синтаксемам, наделённым синтаксической семантикой, которые являются единицами синтаксического уровня. <...> показательной для лексической семантики глаголов может быть не только их сочетаемость, но и валентность, в которой отражаются факты взаимодействия лексических и синтаксических единиц, то есть лексем и синтаксем» [10, с. 62, 63].

Для языка Платонова является характерным модифицирование лексической сочетаемости, и несколько реже это случается с грамматической (синтаксической) сочетаемостью слов. Возможны и комбинированные случаи. В результате разрушения соответствующих норме словосочетаний происходит и расширение семантики слов. В следующем примере из текста повести «Котлован», демонстрирующем сознательное изменение Платоновым лексической и семантической валентности и сочетаемости слов, наречие *навзничь* в обычном своём словоупотреблении обладает ограниченной семантической сочетаемостью с глаголами вертикального движения, имеющими семантику падения *падать – упасть – опрокинуться – откинуться*

навзничь [ср. Опрокинувшись на спину, вверх лицом. *Упасть навзничь*] [11, с. 374]:

Она лежала сейчас навзничь <...> [8, с. 49].

В рассматриваемом нами случае происходит и взаимное неконвенциональное расширение лексической и семантической валентности глагола *лежать*, которое обычно синтаксически не сочетается с наречием *навзничь*, у которого отсутствует соответствующий семантический признак и которое лексически не входит в ограниченный нормой ряд сочетающихся с ним наречий, как, например, в словосочетании *лежать молча*. Соединение Платоновым в окказиональном словосочетании *лежала навзничь* глагола местоположения *лежать* и наречия *навзничь* в контексте описания смерти этого персонажа «Котлована» рождает коннотацию не только лежащего спиной на земле, но и с большой силой отброшенного, вдавленного спиной в землю погибшего человека.

При рассмотрении относительно более редких для Платонова случаев модифицирования *грамматической (синтаксической) валентности и сочетаемости* мы придерживаемся трактовки синтаксической валентности, предложенной В.В. Морковкиным:

«Валентность слова – это такое свойство его содержательной стороны, которое позволяет ему иметь при себе определённый набор синтаксических позиций. Присловная синтаксическая позиция – закреплённая правилами языка возможность употребления вместе с данным словом ряда однотипно связанных с ним распространителей его значения» [12, с. 130].

В следующем примере из «Котлована» в сложноподчинённом предложении с придаточным изъяснительным, поясняющим сказуемое в главной части, мы можем наблюдать неконвенциональное сведение Платоновым сказуемого главного предложения, выраженного формой глагола сов. в., прош. вр., муж. р., ед. ч. *подошёл*, а также выступающего в качестве средства подчинительной связи и обладающего семантикой цели подчинительно-изъяснительного союза *чтобы* придаточного предложения, с одной стороны, с выраженным инфинитивом сказуемым *заметить* придаточного предложения, с дру-

гой стороны. В этой конкретной синтаксической позиции в окказиональной конструкции *подошёл, чтобы заметить* семы её последних двух компонентов в обычных условиях вне платоновского текста синтаксически и семантически строго противоречат друг другу. Вводя в синтаксическую связь компоненты окказиональной конструкции *подойти, чтобы заметить*, Платонов актуализирует здесь расширение синтаксической и лексической сочетаемости и валентности всех участвующих в данной конструкции компонентов:

<...> тогда Воцев подошёл к открытому окну, чтобы заметить начало ночи <...> [8, с. 15].

Такое смоделированное писателем расширение связано с тем, что двухвалентный глагол мыслительной деятельности *заметить* [1. кого-что и с союзом «что». Увидеть, обнаружить. 2. кого-что. Отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-н.] [11, с. 214] предполагает неожиданность, непредсказуемость действия для самого субъекта, что абсолютно *исключает возможность целевой установки* при его употреблении. Неконвенциональное соединение слов с противоположной семантикой способствует эксплицированию образно-эмоциональной контекстуальной коннотации, рождающей ощущение абстрактной, почти сюрреалистической алогичности этого действия, поэтической атмосферы призрачности, зыбкой воздушности и космичности пространства, мимолетности, физической осязаемости природы. Художественно введённое Платоновым модифицирование валентности, а также лексической и грамматической сочетаемости компонентов рассматриваемой конструкции способствует расширению категориальной семантики этих слов и повышению ассоциативной образности повествования.

Платоновское окказиональное словообразование. При осуществлении авторской стилизации под язык современной ему эпохи Андрей Платонов в качестве стилистического приёма активно задействует различные традиционные словообразовательные модели. Наряду с ними он также прибегает к использованию различных моделей авторского окказионального словообразования, отражая

благодаря этому в своём тексте характерное для Новояза стремление к экономии и унификации языковых средств.

Так, при образовании своих окказиональных новообразований в качестве традиционных словообразовательных моделей Платонов использует образования с суффиксами *-ец*, *-щик*, *-щин-*, которые, по словам А.М. Селищева, «в новом советском языке выражают отрицательное отношение говорящего к предметам или явлениям, названным именем с этими суффиксами: *перерожденец*, *аллилуйщик*, *штурмовщина*» [13, с. 141-147]:

– *Значит, я переугожденец?* – всё более догадываясь, пугался профуполномоченный.

– *У нас есть в профбюро один какой-то аллилуйщик, а я, значит, переугожденец?* [8, с. 23].

Острый саркастический оттенок имеют у Платонова и образования с суффиксами *-щина*, *-щество*, относящиеся к социально-поведенческим явлениям негативного свойства. Писатель прибегает к использованию словообразовательных моделей с этими суффиксами, внося в повествование благодаря введению в него своих новых авторских окказионализмов особый иносказательно-иронический подтекст. Это также позволяет Платонову успешно передать в тексте насыщенность речи своих персонажей искусственными формами:

<...> в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины <...> [8, с. 90].

В тексте «Котлована» Платонов также употребляет словообразовательную модель *семантического стяжения*, в основе которой лежит приобретение одним из компонентов исходного словосочетания значения всей конструкции. Использование этой продуктивной и распространённой в то время словообразовательной модели позволяет писателю добиться через компрессию и сжатие текста уменьшения его объёма и при этом его лаконизации, то есть его «сокращения с сохранением полного объёма информации» [14, с. 24].

В новом языке советской эпохи можно найти множество примеров подобных совет-

ских неологизмов в форме субстантивированных прилагательных и причастий, образованных по модели семантического стяжения: *звеньевой*, *постовой*, *проверяющий*, *уполномоченный*, *профуполномоченный*, *оперуполномоченный*, *месткомовский*, *пионервожатый*, *планирующий*, *ответственный* и т. д. Платонов прибегает к использованию модели семантического стяжения не только с целью расширения стилистической и экспрессивно-эмоциональной выразительности текста, но и из-за необходимости более точного именования явлений новой советской жизни.

Многие советские неологизмы, образованные по модели семантического стяжения, получали широкое распространение благодаря их употреблению в ситуациях обозначения классовой принадлежности граждан, превращаясь в политические и идеологические ярлыки: *красный*, *белый*, *партийный*, *беспартийный*, *сознательный*, *несознательный*, *раскулаченный*, *сочувствующий*, *убеждённый*, *(идеологически) подкованный*, *прозаседавшиеся* (Маяковский), *перевоспитанный*. По словам Д.Н. Шмелёва, «в социальном плане осуществление стяжения зависит, естественно, от общественной значимости тех ситуаций <...> Социальная характеристика данной ситуации предопределяет как стилистическую значимость соответствующего словоупотребления, так и его способность стать общеязыковым фактом» [15, с. 181]. Платонов не только в «Котловане», но и в тексте другой своей повести «Ювенильное море» пользуется приёмом семантического стяжения именно в функции субстантивированных слов-ярлыков:

«Раза два-три в месяц невыясненные приходили в учреждение, получали жалованье и спрашивали: «Ну как, я не выяснен ещё?» – «Нет, отвечали им выясненные, всё ещё пока что нет о вас достаточных данных, чтобы дать вам какое-либо назначение, будем пробовать выяснять!» [8, с. 102].

В этом фрагменте текста Платонов достигает немыслимой для того времени и вопорядка степени философского обобщения, описывая общество, состоящее из *выясненных* и *невыясненных*, и критически оценивая породившую такое положение систему. В качестве авторской модели писатель упот-

ребляет здесь семантическое стяжение, образованное с помощью использования эллипсиса, определяемого как «усеченное и служащее номинацией реалии словосочетание, структурная полнота и смысл которого восстанавливаются из конкретной ситуации или исторического контекста», например: *1-я Конная* [16, с. 592].

Семантическое стяжение образуется Платоновым также в результате одновременного усечения определяемого существительного как стержневого компонента словосочетания и отсутствия облигаторного распространителя при определении. В следующем примере из текста «Котлована» для образования двух разных семантических стяжений писателем используются страдательное причастие прошедшего времени *организованный* и прилагательное *неорганизованный*:

Организованные сели на землю и курили с удовлетворительным чувством <...> неорганизованные же стояли на ногах, превозмогая свою тщетную душу <...> [8, с. 70].

Причастие *организованный* вне текста «Котлована» обладает активной валентностью и в обычных условиях должно облигаторно сочетаться с различными актантами: *организованный для чего-то, на что-то, куда-то, где-то, как-то, каким-то образом* и т. д. [*Организованный*. 1. Объединённый в организацию, сплочённый. 2. Планомерный, отличающийся строгим порядком. 3. То же, что дисциплинированный] [11, с. 456]. Контекст «Котлована» предполагает употребление этого причастия именно в своём 1-м словарном значении и требует присутствия после него распространителя в винительном падеже с предлогом, например, *организованный-ый/-ые в колхоз люди/крестьяне*. При платоновском семантическом стяжении это слово выступает уже в качестве окказионального субстантивированного причастия и выполняет в предложении функцию подлежащего. В тексте Платонова стяжение изменяет семантику этого причастия, объединившего в себе семантику двух других усечённых компонентов словосочетания, и соответственно, семантику всего обычного словосочетания с этим причастием. Свойства семантического стяжения и *субстантивации*, то есть обретения субстантивом семантики и

синтаксических свойств имени, в тексте Платонова распространяются также и на субстантивированное прилагательное *неорганизованный*. Ввод в текст этих двух окказиональных семантических стяжений вызывает коннотацию горькой авторской иронии и ассоциируется с политикой навешивания политических ярлыков и массовых гонений в стране на целые социальные группы.

Семантическое стяжение является для Платонова действенным средством достижения большей экспрессивности благодаря лаконизации лексической формы и способствует созданию оригинальной авторской стилизации под клишированный язык современной ему эпохи. Языковое конструирование Платоновым новых окказиональных словообразовательных моделей по аналогии с уже существующими нормативными моделями имеет своим результатом появление неконвенциональных авторских наименований, которые вносят яркую эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску в текст «Котлована» и других ключевых произведений автора при описании им жизни советского общества на рубеже 1920–1930-х гг. в широком спектре от пародийности до глубокого драматизма описываемых событий и явлений.

Платоновские образные средства художественной выразительности. Семантический плеоназм как риторическая фигура и стилистический приём. Посредством введения в свой текст авторских окказиональных новообразований, построенных по словообразовательной модели семантического стяжения, Платонов решает языковую и художественную задачу лаконизации лексических форм. В свою очередь, при помощи использования в тексте стилистического приёма семантического плеоназма, построенного на сознательном художественном использовании в тексте языкового механизма периссологии, то есть многословия, синонимического повтора или содержательной избыточности, являющейся другим важным признаком клишированной речи идеологии, по форме противоположным лаконизации лексических форм, писатель успешно и гротесково реализует в своём тексте вербальное отражение современной ему искаженной реальности. Для клишированной речи не толь-

ко идеологии, но и бюрократии характерным является то, что специально создаваемая в ней смысловая избыточность проявляется в пространном и противоречащем языковым нормам выражении того, что можно выразить короче, без намеренного тавтологического дублирования лексем. Поэтому такие сознательные платоновские стилистические трансформации в тексте по форме и содержанию соответствуют устной трафаретно-лозунговой речи идеологии, казённой природе штампованной речи бюрократии и канонам классовой и политической агитации:

«<...> тавтологические сочетания в тексте выделяются на фоне остальных слов, это даёт возможность, прибегая к тавтологии, обратить внимание на особо важные понятия, <...> тавтологический повтор может придавать высказыванию особую значительность, афористичность, <...> тавтологические сочетания повышают эмоциональность публицистической речи» [17, с. 20].

Включение в текст в качестве художественного приёма семантического плеоназма можно наблюдать в разных прозаических текстах Платонова. Так, в следующем примере из текста повести «Ювенильное море» Платонов при помощи введения в текст плеонастической модели целенаправленно модифицирует лексическую избыточность, характерную для бюрократической речи и мышления. Это позволяет ему в яркой гротесковой форме вскрыть в целом бюрократическую природу советских учреждений, являющихся наглядным и пугающим казённым олицетворением государства:

«Всё же достаточной ясности о вас для нас пока не существует, будем пробовать пытаться выяснить ваше состояние», – отвечало Умрищеву учреждение [8, с. 101].

Глаголы неполной предикации *пробовать* [3. с неопр. Пытаться, стараться что-н. сделать] [18, с. 446] и *пытаться* [с неопр. Стараться делать что-н.] [18, с. 471] являются синонимами, обладают облигаторной активной валентностью и требуют при себе зависимого компонента, выражаемого инфинитивом и присоединяемого к ним связью примыкания. При помощи сознательного дубли-

рования этих схожих слов Платонов добивается окказиональной их постановки относительно друг друга одновременно и в функции стержневых, и в функции зависимых слов ненормативного многокомпонентного подчинительного глагольного словосочетания. Такое нанизывание друг на друга этих слов утяжеляет, усложняет всю получившуюся синтаксическую конструкцию и благодаря объединению их смыслов имеет своим результатом расширение общего для них семантического поля.

Объединение в одном ряду этих лексически и синтаксически не сочетающихся слов рождает коннотацию затянутости и бюрократической цикличности любого административного действия и метко передаёт атмосферу деятельности советского бюрократического аппарата, обозначаемую выражением «бюрократическая волокита». Существительное *волокита* относится к разговорному стилю и в словаре Ожегова определяется как [разг./ Недобросовестное затягивание дела или решения какого-н. вопроса, а также медленное течение дела, осложняемое выполнением мелких формальностей, излишней перепиской] [11, с. 98]. Это окказиональное использование авторского плеоназма в качестве стилистического приёма, позволяющего Платонову сделать особый акцент на типичной тавтологичности речи бюрократии, можно считать примером ярчайшей авторской языковой аномалии.

В следующем примере уже из текста «Котлована» избыточность выразительных средств способствует стилистической передаче Платоновым заштампованной фальшивости, присущей речи административного деятеля среднего звена, постоянно пытающегося выделиться перед своим партийным начальством. Такая избыточность моделируется Платоновым посредством ввода лексического плеоназма *печально заскучать*. Как и в других схожих случаях у писателя, употребление этой стилистической фигуры позволяет отразить в тексте такую черту языка утопии, как многословие:

<...> товарищ Паишкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу <...> [8, с. 56].

Согласно языковой норме, в русском языке нельзя *печально скучать по чему-либо, кому-либо*. С помощью такой писательской иронической стилизации при описании тавтологического образа мысли персонажа и такого же способа вербального выражения им того, что должно быть сказано короче и яснее, вся по его собственному расчёту и представлению пафосная и высокопарная фраза обретает напыщенное и неуклюжее, косноязычное воплощение.

Платонов не ограничивается употреблением стилистического приёма плеоназма для передачи особенностей только языка действующей утопии и стилистически использует в тексте «Котлована» уже вошедшие в народную этимологию конструкции, свойственные разговорной и народно-поэтической речи и построенные по модели факультативного плеоназма:

<...> Пашкин постоянно думал светлые думы <...> [8, с. 56].

«Дозволь нам горе горевать в остатную ночь <...>» [8, с. 71].

Платонов использует здесь устойчивые формы, синтаксически построенные по принципу народной этимологии с актуализацией в них внутреннего объекта содержания посредством его извлечения из самого действия: *думать думу, горе горевать*. Эти словосочетания получены вследствие симметрического звукового повтора корневых морфем *дум-/дум-* и *гор-/гор-*. Употребляя эти устойчивые формы фольклора особой народно-поэтической окрашенности, Платонов помещает их в разные контексты повествования – от контекста иронично-критического (*думал светлые думы* – в случае с товарищем Пашкиным) до контекста, наполненного острым щемящим чувством и народно-поэтически окрашенного (*дозволь нам горе горевать*) в случае описания физических и духовных страданий репресслируемых в ходе коллективизации крестьян.

Не только время, но и различные духовные понятия, действия и даже невидимый в обычной жизни звук в процессе их смысловой и стилистической реализации в тексте «Котлована» материализуются, обретая вещественный, осязаемый статус субстанции. Такому стилистическому и смысловому эф-

фекту способствует ввод в платоновский текст окказионального плеоназма *произнести во рту*:

Сафронов произнёс во рту какой-то нравоучительный звук <...> [8, с. 37].

Абсурдность этой семантической коллизии очевидна – естественно, что звуки речи формируются и артикулируются именно при помощи рта. Но если воспринимать звук по-платоновски как материальную субстанцию, то чисто гипотетически возможно вообразить его материализованное выговаривание, физическое «высвобождение» изо рта.

В следующем примере Платонов, художественно реализуя в тексте «Котлована» сознательное использование стилистического приема плеоназма, также актуализирует физическую природу звука. Глагол *простонать* не обладает переходностью. Окказиональное расширение Платоновым его валентности вызывает ассоциативное расширение смыслов, подразумевающее художественную материализацию *стона* и *звука* как физических субстанций:

<...> он простонал звук <...> [8, с. 19].

В этом примере глагольная лексема *простонать* [Издать стон: проговорить, сказать что-н. со стоном] [18, с. 481], обладающий семей «звук», неконвенционально обретает при себе актант *звук*, также обладающий семей «звук». Глагол *простонать* при таком возникающем в платоновском тексте окказиональном расширении своей семантической сочетаемости чисто ассоциативно может допустить своё участие в таких словосочетаниях, как *простонать крик, простонать вопль, простонать шум*. Стилистически совмещая и сталкивая в одном словосочетании семантически близкие слова *простонать* и *звук*, Платонов посредством целенаправленного смыслового дублирования достигает художественного эффекта аномальной тавтологической избыточности, вызывающего коннотацию метафизического, умозрительно-отвлечённого, абстрактно-философского звучания этого словосочетания и допускающего его глубокие экзистенциальные трактовки.

Для неконвенциональных авторских конструкций, образованных Платоновым с помощью языкового моделирования и использования стилистического приёма факкультативного семантического плеоназма, характерными являются речевая избыточность, гиперболизированность, подчёркнутая искусственность и перифрастичность. Художественное применение этого стилистического приёма позволяет Платонову успешно отображать в своих прозаических текстах особенности языка, коммуникации и мышления в данную политическую эпоху. Стилистическое применение приёма семантического плеоназма создаёт для Платонова дополнительные возможности для ввода в текст ярко окрашенных элементов народной этимологии и для художественного воплощения в тексте повести экзистенциально-онтологических принципов и идей писателя.

Таким образом, благодаря анализу образно и эмоционально насыщенных метафор, и, в целом, тропов, стилистических фигур, форм литературно-художественной условности, а также семантических, синтаксических, лексико-стилистических и словообразовательных окказионально модифицированных моделей, которыми Платонов художественно плотно и целенаправленно заполняет все свои ключевые прозаические тексты, мы можем глубже понять и постигнуть общий творческий механизм и особые возможности платоновского языка и стиля – и, соответственно, его уникальный писательский метод. Платонов использует все эти многочислен-

ные яркие лингвостилистические средства для сознательного смыслового и образного усложнения и обогащения своих текстов с целью повышения их выразительности и экспрессивности, а также достижения гротескового и жанрово многоуровневого эмоционально-психологического воздействия на читателя.

В ходе лингвостилистического анализа его прозаических текстов Платонова находят своё подтверждение как одна из главных особенностей его языка, которая связана с активным и сознательным использованием писателем языка его эпохи, так и наши выводы о художественно смоделированной автором в «Котловане» платоновской коллизии утопии и антиутопии, которая на уровне языка и микроконтекста «Котлована» находит своё отражение в искусственном смешении в тексте словаря эпохи с элементами коллективного идиостиля и других стилей. Подобное противоестественное смешение, как и в реальной жизни того времени, создаёт онтологический эффект, предопределяемый одновременно утопической и антиутопической природой «Котлована», его жанровым дуализмом. В основе писательского метода Платонова лежит его авторский идиостиль, который формирует языковой и художественный механизм соединения несовместимого и служит созданию актуального для всего повествования художественного конфликта, имеющего в своей основе коллизию Утопии и Антиутопии также на уровне языка и микроконтекста «Котлована».

Список литературы

1. Шкловский В.Б. Искусство как приём. «Поэтика». Сборники по теории поэтического языка (I–II). Сборник II. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. URL: http://imwerden.de/pdf/poetika_vyp_1_i_2_1919.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
2. Елистратов В.С. О структуре прозы А. Платонова (письменный текст и его звуковое исполнение) // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1989. № 2. С. 68–74.
3. Гершензон М.О. Избранное / сост. С.Я. Левит. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Мудрость Пушкина. С. 5–37.
4. Платонов А.П. Пушкин – наш товарищ // Литературный критик. 1937. № 1.
5. Барит К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., доп. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 480 с.
6. Толстая-Сегал Е.М. Стихийные силы: Платонов и Пильняк. (1928–1929) // Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Сборник славистики университета Иерусалима. Т. 3. Jerusalem: The Magnes Press, 1978. С. 89–109.
7. Буйлов В.В. Андрей Платонов и язык его эпохи // Русская словесность. 1997. № 3. Май–июнь. С. 30–35.
8. Платонов А.П. Котлован. М.: Кн. палата, 1988. 318 с.

9. Буйлов В.В. Изменение семантики и валентности слов в контексте прозы Андрея Платонова // Вопросы функционирования современного русского языка: сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Бельчиков. М.: Изд-во Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1996. С. 60-66.
10. Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 52-64.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
12. Морковкин В.В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: сб. ст. Вып. 145. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1979. С. 129-140.
13. Селищев А.М. Революция и язык. Выразительность и образность языка революционной эпохи. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 141-158.
14. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 1997. 278 с.
15. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
17. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника. М.: Высш. шк., 1976. 208 с.
18. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 704 с.

References

1. Shklovskiy V.B. *Iskusstvo kak priyem. «Poetika». Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka (I–II). Sbornik II* [Art as a Device. “Poetics”. Collections on the Theory of Poetic Language (I–II). Collection II]. Petrograd, 18th State Typography, 1919. (In Russian). Available at: http://imwerden.de/pdf/poetika_vyp_1_i_2_1919.pdf (accessed 10.06.2021).
2. Elistratov V.S. O strukture prozy A. Platonova (pis'mennyy tekst i ego zvukovoye ispolneniye) [On the structure of A. Platonov's prose (written text and its sound performance)]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya – Moscow University Philology Bulletin. Series 9*, 1989, no. 2, pp. 68-74. (In Russian).
3. Gershenzon M.O. *Izbrannoye* [Selected]. Moscow, Universitetskaya Kniga Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2000, vol. 1, pp. 5-37. (In Russian).
4. Platonov A.P. Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is our comrade]. *Literaturnyy kritik – Literary Critic*, 1937, no. 1. (In Russian).
5. Barsht K.A. *Poetika prozy Andrey Platonova* [Poetics of Andrei Platonov's Prose]. St. Petersburg, Faculty of Philology SPbU Publ., 2005, 480 p. (In Russian).
6. Tolstaya-Segal E.M. Stikhiynyie sily: Platonov i Pil'nyak. (1928–1929) [Elemental Forces: Platonov and Pilnyak. (1928–1929)]. *Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Sbornik slavistiki universiteta Iyerusalima. T. 3* [Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Collection of Slavic Studies of the University of Jerusalem. Vol. 3]. Jerusalem, The Magnes Press, 1978, pp. 89-109. (In Russian).
7. Buylov V.V. Andrey Platonov i yazyk ego epokhi [Andrei Platonov and the language of his era]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 1997, no. 3, May–June, pp. 30-35. (In Russian).
8. Platonov A.P. *Kotlovan* [The Foundation Pit]. Moscow, Book Chamber Publ., 1988, 318 p. (In Russian).
9. Buylov V.V. Izmeneniye semantiki i valentnosti slov v kontekste prozy Andrey Platonova [Changes in the semantics and valence of words in the context of Andrei Platonov's prose]. *Voprosy funktsionirovaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Questions of the Functioning of the Modern Russian Language]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 1996, pp. 60-66. (In Russian).
10. Mukhin A.M. Valentnost' i sochetayemost' glagolov [Valence and compatibility of verbs]. *Voprosy yazykoznanija – Linguistic Issues*, 1987, no. 6, pp. 52-64. (In Russian).
11. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 917 p. (In Russian).
12. Morkovkin V.V. Sochetayemostnyie svoystva slova i problema ikh sistemnoy leksikograficheskoy interpretatsii [Combinable properties of a word and the problem of their systemic lexicographic interpretation]. *Problemy sochetayemosti slov. Vyp. 145* [Word Collocation Problems. Issue 145]. Moscow, M. Thorez MSPIFL Publ., 1979, pp. 129-140. (In Russian).
13. Selishchev A.M. *Revolutsiya i yazyk. Vyrizitel'nost' i obraznost' yazyka revolyutsionnoy epokhi. Izbrannyye trudy* [Revolution and Language. Expressiveness and Imagery of the Language of the Revolutionary Era. Selected Works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, pp. 141-158. (In Russian).
14. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 1997, 278 p. (In Russian).
15. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Vocabulary Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p. (In Russian).

16. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1990, 682 p. (In Russian).
17. Golub I.B. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Leksika. Fonika* [The Stylistics of the Modern Russian Language. Vocabulary. Phonica]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976, 208 p. (In Russian).
18. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Malyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Small Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 704 p. (In Russian).

Информация об авторе

Буйлов Василий Витальевич, доктор философии (Filosofian tohtori/FT), старший лектор кафедры русского языка и перевода Гуманитарного отделения Филологического факультета, Университет Восточной Финляндии, г. Йоэнсуу, Финляндская Республика, vassili.bouilov@uef.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Вклад в статью: идея, концепция исследования, анализ научной литературы и словарей, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021
Одобрена после рецензирования 30.08.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Vassili V. Bouilov, Doctor of Philosophy, Senior Lecturer of Russian Language and Translation Department Humanities Division Faculty of Philosophy, University of Eastern Finland, Joensuu, Republic of Finland, vassili.bouilov@uef.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Contribution: idea, study conception, scientific literature and dictionaries analysis, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 16.08.2021
Approved after reviewing 30.08.2021
Accepted for publication 30.09.2021